

Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ

М. Лермонтов

СОСТАВИЛ
С. П. ПЕТРОВ

Михаил Юрьевич Лермонтов

Ангел смерти
(Поэмы)

Содержание

Михаил Юрьевич Лермонтов Ангел смерти	.0004
Примечания 0026

Михаил Юрьевич Лермонтов

Ангел смерти

Посвящается А. М. В.

Тебе – тебе мой дар смиренный,
Мой труд безвестный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Воспоминаньем и – тобой!

Я дни мои влачу тоскуя
И в сердце, образ твой храня.
Но об одном тебя прошу я:
Будь ангел смерти для меня.

Явись мне в грозный час страда-
нья,
И поцелуй пусть будет твой
Залогом близкого свиданья
В стране любви, в стране другой!

*Златой Восток, страна чудес,
Страна любви и сладострастья,
Где блещет роза – дочь небес,
Где всё обильно, кроме счастья;
Где чище катится река,
Вольнее мчатся облака,*

Пышнее вечер догорает,
И мир всю прелесть сохраняет
Тех дней, когда печатью зла
Душа людей, по воле рока,
Не обесславлена была,
Люблю тебя, страна Востока!
Кто знал тебя, тот забывал
Свою отчизну; кто видал
Твоих красавиц, не забудет
Надменный пламень их очей,
И без сомненья верить будет
Печальной повести моей.

Есть ангел смерти; в грозный час
Последних мук и расставань
Он крепко обнимает нас,
Но холодны его лобзанья,
И страшен вид его для глаз
Бессильной жертвы; и невольно
Он заставляет трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Последний вздох ему отдать.
Но прежде людям эти встречи
Казались – сладостный удел.
Он знал таинственные речи,
Он взором утешать умел,
И бурные смирал он страсти,
И было у него во власти

*Больную душу как-нибудь
На миг надеждой обмануть!*

*Равно во все края вселенной
Являлся ангел молодой;
На всё, что только прах земной,
Глядел с презрением нетленный;
Его приход благословенный
Дышал небесной тишиной;
Лучами тихими блистая,
Как полуночная звезда,
Манил он смертных иногда,
И провожал он к дверям рая
Толпы освобожденных душ,
И сам был счастлив. – Почему ж
Теперь томит его объятье,
И поцелуй его – проклятье?*

.....

*Недалеко от берегов
И волн ревущих океана,
Под жарким небом Индостана,
Синеет длинный ряд холмов.
Последний холм высок и страшен,
Скалами серыми украшен,
И вдался в море; и на нем
Орлы да коршуны гнездятся,
И рыбаки к нему боятся*

Подъехать в сумраке ночном.
Прикрыта дикими кустами
На нем пещера есть одна —
Жилище змей – холодна, темна,
Как ум, обманутый мечтами,
Как жизнь, которой цели нет,
Как недосказанный очами
Убийцы хитрого привет.
Ее лампада – месяц полный,
С ней говорят морские волны,
И у отверстия стоят
Сторожевые пальмы в ряд.

Давным-давно в ней жил изгнан-
ник,
Пришелец, юный Зораим.
Он на земле был только стран-
ник,
Людьми и небом был гоним.
Он мог быть счастлив, но бла-
женства
Искал в забавах он пустых,
Искал он в людях совершенства,
А сам – сам не был лучше их;
Искал великого в ничтожном,
Страшась надеяться, жалел
О том, что было счастьем лож-
ным,

И, став без пользы осторожным,
Поверить никому не смел.
Любил он ночь, свободу, горы,
И всё в природе – и людей —
Но избегал их. С ранних дней
К презрению приучил он взоры,
Но сердца пылкого не мог
Заставить так же охладиться:
Любовь насильства не боится,
Она – хоть презрена – всё бог.
Одно сокровище – святыню
Имел под небесами он;
С ним раем почитал пустыню...
Но что ж? всегда ли верен сон?..

На гордых высотах Ливана
Растет могильный кипарис,
И ветви плюща обвились
Вокруг его прямого стана;
Пусть вихорь мчится и шумит
И сломит кипарис высокой, —
Вкруг кипариса плющ обвит:
Он не погибнет одиноко!..
Так, миру чуждый, Зораим
Не вовсе беден – Ада с ним!
Она резва, как лань степная,
Мила, как цвет душистый рая;
Всё страстно в ней, и грудь и

стан,
Глаза – два солнца южных стран.
И деве было всё забавой,
Покуда не явился ей
Изгнанник бледный, величавый,
С холодной дерзостью очей;
И ей пришло тогда желанье —
Огонь в очах его родить
И в мертвом сердце возбудить
Любви безумное страданье,
И удалось ей. – Зораим
Любил – с тех пор, как был лю-
бим;
Судьбина их соединила,
А разлучит – одна могила!

На синих небесах луна.
С звездами дальними сияет,
Лучом в пещеру ударяет;
И беспокойная волна,
Ночной прохладой полна,
Утес, белея, обнимает.
Я помню – в этот самый час
Обыкновенно нежный глас,
Сопровождаемый игрою,
Звучал, теряясь за горою:
Он из пещеры выходил.
Какой же демон эти звуки

Волшебной властью усыпил?..

Почти без чувств, без дум, без сил,
Лежит на ложе смертной муки
Младая Ада. Ветерок
Не освежит ее ланиты,
И томный взор, полуоткрытый,
Напрасно смотрит на восток,
И утра ждет она напрасно:
Ей не видать зари прекрасной,
Она до утра будет там,
Где солнца уж не нужно нам.
У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораим
Стоит – коленопреклоненный,
Тоской отчаянья томим.
В руке изгнанника белеет
Девуцы хладная рука,
И жизни жар ее не греет.
«Но смерть, – он мыслит, – не
близка!

Рука – не жизнь; болезнь простая

«Всё не кончина роковая!»
Так иногда надежды свет
Являет то, чего уж нет;
И нам хотя не остается

Для утешенья ничего,
Она над сердцем всё смеется,
Не исчезая из него.

В то время смерти ангел нежный
Летел чрез южный небосклон;
Вдруг слышит ропот он мятеж-
ный,
И плач любви – и слабый стон,
И, быстрый как полет мгновенья,
К пещере подлетает он.
Тоску последнего мученья
Дух смерти усладить хотел,
И на устах покорной Ады
Свой поцелуй напечатлел:
Он дать не мог другой отрады!
Или, быть может, Зораим
Еще замечен не был им...
Но скоро при огне лампы
Недвижный, мутный встретив
взор,
Он в нем прочел себе укор;
И ангел смерти сожаленье
В душе почувствовал святой.
Скажу ли? – даже в преступленье
Он обвинял себя порой.
Он отнял всё у Зораима:
Одна была лишь им любима,

Его любовь была сильней
Всех дум и всех других страстей.
И он не плакал, – но понятно
По цвету бледному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерял он невозвратно.
И ангел знал, – и как не знать?
Что безнадежности печать
В спокойном холоде молчанья,
Что легче плакать, чем стра-
дать
Без всяких признаков страданья.

И ангел мыслью поражен
Достоиную небес: желает
Вознаградить страдальца он.
Ужель создатель запрещает
Несчастливых утешать людей?
И девы труп он оживляет
Душою ангельской своей.
И, чудо! кровь в груди остылой
Опять волнуется, кипит;
И взор, волшебной полон силой,
В тени ресниц ее горит.
Так ангел смерти съединился
Со всем, чем только жизнь мила;
Но ум границам подчинился,
И власть – не та уж, как была,

И только в памяти туманной
Хранит он думы прежних лет;
Их появленье Аде странно,
Как ночью метеора свет,
И ей смешна ее беспечность
И ей грядущее темно,
И чувства, вечные как вечность,
Соединились все в одно.
Желаньям друга посвятила
Она все радости свои,
Как будто смерть и не гасила
В невинном сердце жар любви!..

Однажды на скале прибрежной,
Внимая плеск волны морской,
Задумчив, рядом с Адой нежной,
Сидел изгнанник молодой.
Лучи вечерние златили
Широкий синий океан,
И видно было сквозь туман,
Как паруса вдали бродили.
Большие черные глаза
На друга дева устремляла,
Но в диком сердце бушевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой рассеянные взгляды
На красный запад он кидал,
И вдруг, взяв тихо руку Ады,

И обратившись к ней, сказал:
«Нет! не могу в пустыне доле
Однообразно дни влачить;
Я волен – но душа в неволе:
Ей должно цепи раздробить...
Что жизнь? – давай мне чашу сла-
вы,
Хотя бы в ней был смертный яд,
Я не вздрогну – я выпить рад:
Не все ль блаженства – лишь
отравы?
Когда-нибудь всё должен я
Оставить ношу бытия...
Скажи, ужель одна могила
Ничтожный в мире будет след
Того, чье сердце столько лет
Мысль о ничтожестве томила?
И мне покойну быть? – о нет!..
Взгляни: за этими горами
С могучим войском под шатрами
Стоят два грозные царя;
И завтра только что заря
Успеет в облаках проснуться,
Труба войны и звук мечей
В пустыне нашей раздадутся.
И к одному из тех царей
Идти как воин я решился,
Но ты не жди, чтоб возвратился

Я побежденным. Нет, скорей
Волна, гонимая волнами
По бесконечности морей,
В приют родимых камышей
Воротится. Но если с нами
Победа будет, я принесу
Клянусь тебе жемчуг и золото,
Себе одну оставляю честь...
И буду счастлив, и тогда-то
Мы заживем с тобой богато...
Я знаю: никогда любовь
Геройский меч не презирала,
Но если б даже ты желала...
Мой друг, я должен видеть кровь!
Верь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слепой.
Как? ты бледнеешь?.. слезы, слезы?
Об чем же плакать, ангел мой?»
И ангел-дева отвечает:
«Видал ли ты, как отражает
Ручей склонившийся цветок?
Когда вода не шевелится,
Он неподвижно в ней глядится,
Но если свежий ветерок
Волну зеленую встревожит,
И всколебается волна,
Ужели тень цветочка может

Не колебаться, как она?
Мою судьбу с твоей судьбою
Соединил так точно рок,
Волна – твой образ, мой – цветок.
Ты грустен, – я грустна с тобою.
Как знать? – быть может, этот
час
Последний счастливый для нас!..»

Зачем в долине сокровенной
От миртов дышит аромат?
Зачем?.. Властители вселенной,
Природу люди осквернят.
Цветок измятый обагрится
Их кровью, и стрела промчится
На место птицы в небесах,
И солнце отуманит прах.
Крик победивших, стон сражен-
ных
Принудят мирных соловьев
Искать в пределах отдаленных
Иных долин, других кустов,
Где красный день, как ночь, споко-
ен,
Где их царицу, их любовь,
Не стопчет розу мрачный воин
И обагрить не может кровь.

Чу!.. топот... пыль клубится тучей,
И вот звучит труба войны,
И первый свист стрелы летучей
Раздался с каждой стороны!
Новорожденное светило
С лазурной неба вышины
Кровавым блеском озарило
Доспехи ратные бойцов.
Меж тем войска еще сходились
Всё ближе, ближе, – и сразились;
И треску копий и щитов,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье – царь в душах людей
И удивления сильней.

Была ужасна эта встреча,
Подобно встрече двух громов
В грозу меж дымных облаков.
С успехом равным длилась сеча,
И всё теснилось. Кровь рекой
Лилась везде, мечи блистали,
Как тени знамена блуждали
Над каждой темною толпой,
И с криком смерти роковой
На трупы трупы упали...
Но отступает наконец
Одна толпа; и побежденный

Уж не противится боец;
И по траве окровавленной
Скользит испуганный беглец,
Один лишь воин, окруженный
Враждебным войском, не хотел
Еще бежать. Из мертвых тел
Вокруг него была ограда...
И тут остался он один.
Он не был царь иль царский сын,
Хоть одарен был силой взгляда
И гордой важностью чела.
Но вдруг коварная стрела
Пронзила витязя молодого,
И шумно навзничь он упал,
И кровь струилась... и ни слова
Он упадая не сказал,
Когда победный крик раздался,
Как погребальный крик, над ним,
И мимо смелый враг промчался,
Огнем пылая боевым.

На битву издали взирая
С горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской,
Высоко перси подымая,
Боязнью сердце билось в ней,
Всечасно слезы набегали

На очи, полные печали...
О боже! – Для таких очей
Кто не пожертвовал бы славой?
Но Зораиму был милей
Девичьей ласки путь кровавый!
Безумец! ты цены не знал
Всему, всему, чем обладал,
Не ведал ты, что ангел нежный
Оставил рай свой безмятежный,
Чтоб сердце Ады оживить;
Что многих он лишил отрады
В последний миг, чтоб усладить
Твое страданье. Бедной Ады
Мольбу отвергнул хладно ты;
Возможно ль? ангел красоты
Тебе, изгнанник не дороже
Надменной и пустой мечты?..
Она глядит и ждет... но что же?
Давно уж в поле тишина,
Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными телами
Долина битвы устлана...
Увы! где ангел утешенья?
Где вестник рая молодой?
Он мучим страстию земной
И не услышит их моленья...
Уж солнце низко – Ада ждет...
Всё тихо вокруг... он всё нейдет!..

Она спускается в долину
И видит страшную картину.
Идет меж трупов чуть дыша;
Как у невинного пред казнью
Надеждой, смешанной с боязнью,
Ее волнуется душа.
Она предчувствовать страшит-
ся,
И с каждым шагом воротиться
Она желала б; но любовь
Превозмогла в ней ужас вновь;
Бледны ланиты девы милой,
На грудь склонилась голова...
И вот недвижна! – Такова
Была б лилея над могилой!
Где Зораим? – Что, если он
Убит? – но чей раздался стон?
Кто этот раненый стрелой
У ног красавицы? Чей глас
Так сильно душу в ней потряс?
Он мертвых окружен грядою,
Но час кончины и над ним...
Кто ж он? – Свершилось! – Зора-
им.

»Ты здесь? теперь? – и ты ли, Ада?
О! твой приход мне не отрада!
Зачем? – Для ужасов войны

Твои глаза не созданы,
Смерть не должна быть их пред-
метом;
Тебя излишняя любовь
Вела сюда – что пользы в этом?..
Лишь я хотел увидеть кровь
И вижу... и приход мгновенья,
Когда усну, без сновиденья.
Никто – я сам тому виной...
Я гибну! – Первою звездой
Нам возвестит судьба разлуку.
Не бойся крови, дай мне руку:
Я виноват перед тобой...
Прости! Ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родных, ни крова,
И даже – на груди другого
Не будешь счастлива опять:
Кто может дважды счастье
знать?

»Мой друг! к чему твои лобзанья
Теперь столь полные огня?
Они не оживят меня
И увеличат лишь страданья,
Напомнив, как я счастлив был;
О если б, если б я забыл
Что в мире есть воспоминанья!
Я чувствую, в груди моей

Всё ближе, ближе смертный хо-
лод.

О, кто б подумал, как я молод!
Как много я провел бы дней
С тобою, в тишине глубокой,
Под тенью пальм береговых,
Когда б сегодня рок жестокой
Не обманул надежд моих!..
Еще в стране моей родимой
Гадатель мудрый, всеми чтимый,
Мне предсказал, что час придет

И громкий подвиг совершу я,
И глас молвы произнесет
Мое названье торжествуя,
Но...» Тут, как арфы дальней звон,
Его слова невнятные стали,
Глаза всю яркость потеряли
И ослабел приметно он...

Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крепко обнимала,
Забыв, что у нее уж нет
Чудесной власти прежних лет;
Что поцелуй ее бессильный,
Ничтожный, как ничтожный
звук,
Не озаряет тьмы могильной,

Не облежит последних мук.
Меж тем на своде отдаленном
Одна алмазная звезда
Явилась в блеске неизменном,
Чиста, прекрасна как всегда,
И мнилось: луч ее не знает,
Что на земле он озаряет:
Так он игриво нисходил
На жертву тленья и могил.
И Зораим хотел напрасно
Последним ласкам отвечать;
Всё, всё, что может он сказать —
Уныло, мрачно – но не страстно!
Уж пламень слез ее не жжет
Ланиты хладные как лед,
Уж тихо каплет кровь из раны;
И с криком, точно дух ночной,
Над ослабевшей головой
Летает коршун, гость незванный.
И грустно юноша взглянул
На отдаленное светило,
Взглянул он в очи девице милой,
Привстал – и вздрогнул – и вздох-
нул —
И умер. С синими губами
И с побелевшими глазами,
Лик – прежде нежный – был
страшной

Всего, что страшно для людей.

Чья тень прозрачной мглой оде-
та,
Как заблудившийся луч света,
С земли возносится туда,
Где блещет первая звезда?
Венец играет серебристый
Над мирным, радостным челом,
И долго виден след огнистый
За нею в сумраке ночном...
То ангел смерти, смертью тлен-
ной
От уз земных освобожденный!..
Он тело девы бросил в прах:
Его отчизна в небесах.
Там всё, что он любил земного,
Он встретит и полюбит снова!..

Всё тот же он, и власть его
Не изменилась ничего;
Прошло печали в нем волненье,
Как улетает призрак сна,
И только хладное презренье
К земле оставила она:
За гибель друга в нем осталось
Желанье миру мстить всему;
И ненависть к другим, казалось,

Была любовью к нему.
Всё тот же он – и бесконечность
Как мысль он может пролетать,
И может взором измерять
Лета, века и даже вечность.
Но Ангел смерти молодой
Простился с прежней добротой;
Людей узнал он: «состраданья
Они не могут заслужить;
Не награжденье – наказание
Последний миг их должен быть.
Они коварны и жестоки,
Их добродетели – пороки,
И жизнь им в тягость с юных
лет...»
Так думал он – зачем же нет?..

Его неизбежной встречи
Боится каждый с этих пор;
Как меч – его пронзает взор;
Его приветственные речи
Тревожат нас, как злой укор,
И льда хладней его объятье,
И поцелуй его – проклятье!..

Примечания

Печатается по первому отдельному изданию: «Ангел смерти. Восточная повесть. Соч. М. Ю. Лермонтова. Карлсруэ. 1857».

На титульном листе имеется примечание: «Печатано с тетради, писанной собственною рукою автора и хранящейся у одной из его родственниц, имени которой и посвящена эта повесть. „1831 года сентября 4-го дня“„. Поэма обращена к Александре Михайловне Верещагиной (род. в 1810 г., впоследствии баронесса Гюгель), родственнице и приятельнице Лермонтова. По словам П. А. Висковатова, „Ангел смерти“ был издан родственником поэта А. И. Философовым («Русская мысль», 1884, апрель, стр. 76). В настоящее время местонахождение тетради не известно.

Сохранился черновой автограф, представляющий собой более раннюю редакцию, – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 10 об. – 19 об., в котором посвящение следует после текста поэмы. В той же тетради имеется план поэмы. Впервые полностью опубликован в Соч. изд. Академической библиотеки (т. I, 1910, стр.

313–328).

Датируется 1831 годом по нахождению чернового автографа в тетради XI среди стихотворений, относящихся к тому же времени, и на основании примечания, которым снабжен титульный лист первого издания поэмы.

Стих «Одно сокровище – святыню» взят из посвящения к «Полтаве» Пушкина; стих «Судьбы коварной и слепой» – из «Цыган» Пушкина.